

Роня

Снегопад застиг нас у главного корпуса университета. Будто в небесной канцелярии какой-то непутевый сотрудник нечаянно задел локтем рубильник и сверху резко посыпался снег. Крупные холодные хлопья летели в лицо. Юлька, ненавидящая зиму в целом и снег в частности, тут же разворчалась и быстро зашагала к нашему корпусу. Я едва поспевала за подругой. Но если честно, мне в ту минуту не особо-то и хотелось спешить. Наоборот, возникло странное желание остановиться посреди этого снежного безумия и замереть на миг, прислушиваясь к нервному гудению машин и обрывкам чужих разговоров. Не знаю, почему этот внезапный снегопад привел меня в неописуемый детский восторг.

На дворе — конец января. Казалось бы, к снегу уже давно можно привыкнуть. Но таких крупных хлопьев не было ни разу за всю зиму. Юлька, только что заметившая, что я отстала, тут же вернулась ко мне и недовольно проворчала:

— Колокольцева, отомри. Мы на экзамен, между прочим, опаздываем.

— Ты только посмотри, какая красота вокруг! — восторженно сказала я.

Мы с Юлей стояли посреди тротуара, и другие студенты, с хмурыми недовольными лицами, огибли нас.

— Красота? — скривилась подруга. Ее темная вязаная шапочка от снега стала белой. — Издеваешься? Я считаю, что снегопад должен идти только на Новый год. В остальное время необходимости в нем нет, и его вообще стоит запретить на законодательном уровне.

Какая хитренькая! В этом году зима в городе практически бесснежная. Все новогодние праздники я просидела дома, любуясь из окна на серый промерзлый асфальт, в то время как Юлька за городом каталась на лыжах со своим бойфрендом.

— А я люблю зиму, — упрямо сказала я. — Это самое классное время года.

В пику подруге я даже рот открыла, как в детстве, чтобы поймать на язык несколько снежинок. Юля посмотрела на меня как на умалишенную. Хмыкнула, развернулась и бросила напоследок:

— Ты еще сосульку погрызи. Детский сад, ей-богу!

Я догнала подругу. Юля схватила меня за руку и ускорила шаг, увлекая за собой. Снег валил густо, напоминая белую стену.

— Куда мы так спешим? — запыхавшись, спросила я.

— Эк-за-мен!

— Так у нас же автомат, — пожалала я плечами.

За экзамен по макроэкономике мы с Юлькой получили автоматы. Поэтому единственное, что от нас требовалось, — прийти в аудиторию и сложить на стол зачетки.

Хлопья продолжали неслышно падать на нас. Студгородок мгновенно занесло снегом. Если бы про нашу историю решили снимать кино, этот день стал бы идеальным началом фильма. Тихий шелестящий снег над головами и нарядные белые улицы — все это напоминало декорации. Только с жанром я не определилась: комедия или драма? С одной стороны, без смеха многие моменты не вспомнишь, а с другой — столько слез было выплакано... И не только мной.

— Игнатов не любит, когда студенты опаздывают, — перебила мои мысли Юлька. — Он у нас еще в следующем семестре вести будет. Третьекурсники говорили, контрыч заставит сдавать. Вместо допуска. У каждого студента будет свой вариант, представляешь? Жуть! Поэтому лучше явиться к нему без опозданий. Зря мы, что ли, уже отлично зарекомендовали себя? Я его благосклонности весь семестр добивалась. К тому же мне нужно скорее освободиться, у меня сегодня много дел.

— Это каких же? — заинтересовалась я.

— Да там... — туманно отозвалась подруга. — Мама вздумала Веню в гости пригласить. Знакомиться будут.

— Вот это да! — обрадовалась я. — Неужели? Наконец-то ты решилась!

Юлька начала встречаться с Вениамином еще в одиннадцатом классе, но до сих пор не знакомила его с родителями. А поначалу и вовсе скрывала, боясь, что мама и папа не одобряют такого парня. Веня бросил училище культуры, сварганил рок-группу и выступал с ребятами в клубах, на свадьбах и корпоративах. Парни занимались любимым делом, не-

плохо зарабатывали; Веня часто дарил подруге дорогие подарки, но Юля опасалась, что ее родители не поймут праздную жизнь музыканта.

«Папа тут же спросит: ну что это за работа? Как он обеспечит тебя, детей? Будто я уже за него замуж собираюсь!» — ворчала подруга. Отец Юли, Антон Сергеевич, не воспринимал всерьез ни одну из творческих профессий. Для него настоящая работа — это официальное трудоустройство, пятидневка с ежегодно оплачиваемым отпуском. И лучше всего отпуск этот проводить в местном профилактории. Антон Сергеевич настоял на том, чтобы Юля выбрала серьезную специальность — «экономику», хотя моя подруга никогда не питала особой любви к своей будущей профессии и несколько раз признавалась мне, что учиться на нашем факультете ей попросту скучно. Однако возразить отцу боялась.

Но учится Юля хорошо. В этом есть и моя заслуга. Я частенько выручаю подругу на контрольных. Сама же с детства обожаю цифры. Моя бабушка в прошлом уважаемый инженер. Любовь к точным наукам у меня от нее.

— Я сказала Вене, чтобы он не смел говорить маме с папой, что бросил колледж, — сказала Юля, отряхивая куртку от снега.

— М-м...

— Я вообще родакам соврала, что Веня учится в нашем универе на химическом.

— Ты сдурела? — воскликнула я.

— А что такого? — Юлька дернула плечами. — Мой папа уважает химический.

— Мало ли что твой папа уважает! — горячилась я. — Врать нехорошо! Ну какой из Веника химик?

— Из Вениамина, — поправила меня Юлька. Она терпеть не может, когда я называю ее парня «Веником». Хотя сам Венька не против. К нему так все его друзья всю жизнь обращаются.

— А если Ве-ни-а-мин, — нарочно произнесла я имя парня по слогам, — проколется? Вдруг твой папа спросит у него какую-нибудь формулу?

— Какую еще формулу? — не въехала Юлька. — Делать нечего моему папе, что ли?

— Это тебе делать нечего, — сказала я. — Ле-пишь из своего парня другого человека.

Проигнорировав мои слова, Юля продолжила:

— В общем, нам еще по магазинам пробежаться надо. У Вени ни одной приличной белой рубашки. Все — вырвиглаз. Браслеты еще эти его, фенечки... Нет, мой папа этого не поймет.

Возмущению моему не было предела. Поэтому я просто шла за Юлькой и пыхтела как паровоз. «Встретаться-то ему с тобой, а не с папой!» — вертелось у меня на языке, но ссориться с Юлей сегодня не хотелось. Она и так с самого утра была взвинчена. Как выяснилось, ее нервозность была связана с предстоящим знакомством Вени с родителями.

Иногда мне казалось, что Юля сама стесняется своего немного своеобразного молодого человека. Они пересеклись в гостях у общих знакомых, и Юлька по доброте душевной все-таки дала неформальному парню номер телефона. Веня долго и упорно добивался расположения моей подруги. Устраивал ей сюрпризы. Один раз во дворе написал баллончиком «Юля А., улыбнись, тебя любят!» Подругу одновременно пугали, смущали и восхищали поступки Вени. И все-таки она сдалась под

напором необычного ухажера, но попыток переделать Вениамина «под себя» не оставляла. Таскала Веню по театрам и выставкам, уговорила обрезать длинные волосы... И даже запретила всем знакомым называть Веню «глупым Веником». Подруга изо всех сил старалась приблизить этого строптвого творческого парня к своему идеалу. Юле хотелось, чтобы все было, как в ее мечтах: будущий жених, студент с международного факультета, с идеальной прической и идеальной работой в будущем...

Венька капризам Юли до сих пор безоговорочно потакает. А я все в толк не могу взять: зачем он это делает? Кто разберет... Любовь такая штука — как скрутит, как вывернет наизнанку, и не на такое ради нее пойдешь.

Да, если бы про эту историю снимали настоящий фильм, перфекционистка Юля обязательно отвечала бы за декорации и подбор актеров. Мы носили бы идеальные костюмы, вели диалоги под идеально выстроенным светом... И снег бы весело искрился, и мир вокруг сиял. Но то кино, а это — жизнь. Все у меня в ней неидеально. Я уже представила, как выгляжу со стороны — наверняка от мокрого снега тушь размазалась на ресницах. Но мечтать все равно хотелось.

В нашем фильме мне досталась бы одна из главных ролей. Посредственно б я ее сыграла, если честно. Сыграла так, что мне обязательно вручили бы какую-нибудь глупую киношную премию вроде «Золотой малины», а на «Кинопоиске» вlepили низкий балл. Потому что актерских способностей во мне точно нет. Да и вообще нет во мне ничего-

шеньки интересного. И пусть Юля часто пытается переубедить меня в обратном, я-то знаю, что я — посредственность. С математическим складом ума.

А еще в нашем фильме обязательно была бы подборка неудачных кадров, как со съемок фильмов «Марвел». Потому что я часто попадаю в комичные ситуации. И не по своей воле, честно. Просто неуклюжая. С координацией проблемы... Вот сейчас, поскользнувшись и проехавшись на пятке, я ухватила за рукав Юльку, и мы, прокатившись еще пару метров и балансируя на припорошенном снегом льду, вдвоем едва не угодили под колеса черной иномарки. Водитель резко затормозил и недовольно засигналил.

— Чего ты гудишь? — рассерженно выкрикнула Юлька, пытаясь освободиться от моей мертвой хватки. Я так переволновалась, что вцепилась в подругу словно клещ. — У нас вообще приоритет. Тут пешеходам уступить надо!

Водитель иномарки с тонированными стеклами и блатными номерами сдал немного назад и припарковался у обочины.

— Юль, не надо, не ругайся, — попросила я. Не люблю я все эти конфликты. От них только настроение портится.

— Вот еще, ругаться со всякими! У меня на такие глупости времени нет.

Но водитель и не думал с нами пререкаться. Задняя дверь иномарки открылась, и из машины выпорхнула Агния Леманн — девчонка с нашего факультета, первокурсница. В черной коротенькой дубленке, в мини-юбке и замшевых черных ботфортах на каблуках. Агния поправила ремешок

брендовой сумки на плече и громко хлопнула дверью иномарки.

И если мы с Юлей спешили в универ, чтобы проставить «автоматы», то Леманн, вероятно, вскоре собиралась отправиться на пересдачу. Училась она плохо. Насколько я знаю, раньше Агния занималась фигурным катанием и хотела продолжить карьеру, но из-за серьезной травмы ей пришлось уйти из спорта. Обеспеченные родители запихнули дочь в наш университет на не самую легкую специальность, и Агния откровенно не успевала в учебе. Юля как-то сказала, что, когда ты всю жизнь занимаешься профессиональным спортом, тебе некогда напрягать мозги и читать умные книжки. Вообще она относилась к Агнии пренебрежительно, считая ее стервой и выскочкой. Да к тому же не семи пядей во лбу.

Агния легкой походкой направилась прочь от машины. Настолько плавно она двигалась по снегу на высоких каблуках, что меня зависть взяла. Я тут в своих старых ботинках на тракторной подошве едва не навернулась, а она... Конечно, если ей покорился лед под острым лезвием коньков, то и со снегопадом и шпильками она легко справится. Юлька тоже почему-то замерла на месте как вкопанная, взглядом провожая Леманн.

— Агния! — послышался мелодичный женский голос.

Дверца снова приоткрылась, и из машины вышла высокая красивая блондинка. Мама Агнии, в прошлом тоже спортсменка, с детства вызывала во мне восторг. Помню, как мы с бабушкой и родителями следили за чемпионатом России, болея за

фигуристку из нашего города. Движения Светланы Леманн завораживали... А те давние соревнования, на которых она занимала призовые места, я до сих пор вспоминаю с теплом. Вечерами мы сидели перед телевизором и обсуждали каждое выступление. Я мечтала поскорее вырасти и стать такой же женственной и красивой, как эта девушка на льду... И каково было мое удивление, когда я узнала, что на нашем факультете учится дочь той самой фигуристки Светланы Леманн, от которой я фанатела в детстве.

Агния обернулась и словно нехотя направилась обратно к машине. Мы с Юлей продолжали наблюдать за происходящим, стоя под отяжелевшими от налипшего снега ветвями тополя.

— Какие же они... — тихо проговорила я.

— Какие? — не без яда отозвалась Юля.

— Красивые! И так похожи...

— Ничего особенного! — фыркнула подруга. —

Твоя мама красивее.

С обворожительной улыбкой Светлана Леманн протянула дочери телефон, сказала ей что-то на прощание, а затем Агния быстрым шагом направилась к корпусу экономфака. Пройдя мимо, даже не взглянула в нашу сторону. Я тут же ощутила сладковатый и знакомый запах ее духов — аромат спелой вишни.

— Пф, так и думала, — укоризненно покачала головой Юлька. — Ладно, идем.

Мы засеменили за Агнией.

— Что ты думала? — спросила я.

— Что она с тобой даже не поздоровается. Интересно, корона твоей обожаемой Агнии не жмет?

— Но мы ведь с ней даже не подруги, — неуверенно возразила я.

— Роня, мы пересекаемся на всех факультетских мероприятиях, — фыркнула Юля. — К тому же ты ее репетитор. Вы с глазу на глаз занимаетесь с ней два раза в неделю, а она настойчиво делает вид, будто с тобой не знакома.

Это правда. Наша кураторша, Татьяна Борисовна, предложила Агнии мою кандидатуру в качестве репетитора. Леманн кровь из носу нужно было хорошо сдать свою первую сессию. Вроде как дома отчим держит ее в ежовых рукавицах... Я сразу согласилась, мне несложно помочь. К тому же за занятия Леманн неплохо платила. И вот, начиная с декабря, Агния два раза в неделю появлялась в нашей квартире, а после ее ухода в комнате еще некоторое время стоял запах ее любимых вишневых духов.

Мы практически никогда не разговаривали на отвлеченные темы. Только по делу. Агнии было скучно во время наших занятий. В то время как я трясла перед ней прошлогодними конспектами, Леманн брала в руки телефон, отправляла кому-то сообщения в мессенджере и загадочно улыбалась. Но я на нее не сердилась. Мне и самой мои лекции и объяснения казались ужасно скучными. Я даже немного расстраивалась из-за того, что не могу интересно преподнести материал. Тем не менее с зачетами Агния с горем пополам справилась и получила доступ ко всем экзаменам.

— Может, она просто нас не заметила? — спросила я. Впрочем, сама не веря своему предположению.

— Ага, как же! Просто твоя обожаемая Леманн задавака.

Агния первой поднялась на крыльцо, и высокий симпатичный шатен придержал ей дверь. Леманн прошла мимо него, не поблагодарив. Перед нами же с Юлькой тяжелые двери с протяжным лязгом захлопнулись. Подруга принялась снова ворчать:

— Вот козел! А нам дверь подержать?

Сейчас я думаю, что во всем, что с нами случилось, Агния сыграла не последнюю роль. Она даже стала зачинщицей... И тогда, в этом снежном круговороте, я и представить не могла, во что превратится моя жизнь в ближайшую пару месяцев. Имя Агнии Леманн обязательно нужно вписать в титры, потому что именно ей пришла в голову эта безумная идея — поменяться жизнями.

Агния

Мокрый снег залепил лобовое стекло, «дворники» активно работали. Из динамиков доносились страдания певца Уикнда, которого обожал слушать мамин водитель Вячеслав. Сама мама в это время громко разговаривала по телефону, весело обсуждая с подругой массажиста Лёнчика, закрутившего роман с их общей знакомой. Мамин нарочито счастливый голос раздражал. Она снова вела себя так, будто с утра ничего не произошло. Словно мы не ругались и не наговорили друг другу гадостей.

Каждый раз мама делает вид, что проблем нет, хотя проблем вокруг нас — целый океан. Потерпев страшное кораблекрушение, мы тонем в этих про-